

недостаточно было вписать в свод законов первые шаги к его упразднению; что для того, чтобы покончить с неограниченной властью, точно так же недостаточно было свергнуть короля, водрузить эмблему республики на общественных зданиях и поставить слово «республика» на бланках официальных бумаг. Все это не более как начало, как создание новых условий, при которых, может быть, удастся совершить преобразование старых учреждений.

Людей, понимавших революцию именно так, поддерживали все те, кто хотел, чтобы народная масса избавилась наконец от ужасающей нужды, до которой довел ее старый строй, все, кто хотел и пытался почерпнуть из уроков революции указание на действительные средства, способные поднять эту массу физически и нравственно. С ними стояла, конечно, целая толпа бедных, которых революция заставила задуматься над своей судьбой.

А против них стояли жирондисты, партия очень многочисленная. Жирондисты - это были не только те 200 членов Конвента, которые группировались вокруг Верньо, Бриссо и Ролана. Это была огромная часть Франции, почти вся зажиточная буржуазия, все конституционалисты, которых события сделали, правда, республиканцами, но которые все-таки боялись республики, потому что боялись господства масс. А за ними, готовые поддерживать их в ожидании момента, когда можно будет их раздавить в пользу королевской власти, стояли все те, кто дрожал за свои богатства, а также и за привилегии, доставляемые образованием; все те, кому революция нанесла удар и кто вздыхал по старым порядкам.

В сущности, теперь видно, что не только Равнина Конвента (или Болото), но и 3/4 жирондистов были такими же роялистами, как фельяны. Если некоторые из их вожаков мечтали о чем-то вроде античной древнегреческой республики, без короля, но с подчинением народа законам, издаваемым людьми богатыми и образованными, то большинство прекрасно мирилось с монархией. Они, впрочем, скоро доказали это сами, когда так хорошо поладили с роялистами тотчас после термидорского переворота, совершенного в июле 1794 г.

Оно вполне понятно, потому что для жирондистов главным было *установление буржуазного строя*, создававшегося в то время в промышленности и в торговле на развалинах феодализма, «сохранение собственности» («le maintien des propriétés»), как любил выражаться Бриссо, главный умственный выразитель Жиронды.

Отсюда же их ненависть к народу и их любовь к «порядку». Помешать взрыву народного движения, создать «сильное» правительство и заставить уважать права собственников было в этот момент самой главной задачей для жирондистов; и только потому, что некоторые историки не поняли этой основной черты, стали они искать во всяких второстепенных обстоятельствах объяснения жестокой борьбы, вскоре завязавшейся между Горой и Жирондой.

Когда мы видим, что жирондисты «отвергают аграрный закон», «отказываются признать равенство принципом республиканского законодательства» и «клянутся уважать права собственности», все это кажется нам довольно отвлеченным. Но и наши теперешние лозунги: «уничтожение государства» или «экспроприация» - покажутся слишком отвлеченными через 100 лет. А между тем в эпоху революции формулы жирондистов имели вполне точный, вещественный смысл.

«Отвергать аграрный закон» значило тогда отвергать всякую попытку передачи земли в руки тех, кто стал бы ее обрабатывать. Это значило отвергать мысль, очень популярную среди революционеров, вышедших из народа, - мысль, что ни одно имение, ни одна арендованная ферма не должны быть больше 120 арпанов, т. е. 50 десятин, что каждый гражданин имеет право на землю и что для этого нужно захватить имения эмигрантов и духовенства, а также и крупные владения богачей и разделить их между бедными земледельцами, не имеющими земли.

«Поклясться уважать права собственности» - это значило быть *против* возвращения общинам тех земель, которые отняты были у них помещиками и богатыми людьми в продолжение двух последних столетий на основании королевского указа 1669 г. Это значило также стоять за интересы феодальных помещиков и новых владельцев - скупщиков земли из буржуазии, против отмены феодальных, крепостных прав без выкупа.

Это значило, наконец, противодействовать всякой попытке установления прогрессивного налога на богатых людей; это значило взваливать все тягости войны и революции на бедноту.

Оказывается, таким образом, что отвлеченная формула жирондистов имела вполне осязательный смысл.

И вот по всем этим вопросам Горе приходилось вести с Жирондой ожесточенную борьбу; и в